

какъ крестъ, налагая его на вѣрующаго, въ мірѣ спасающагося, и въ этомъ смыслѣ *по особенному порабощаетъ міру*. И вся жизнь, все мірское служеніе—*Божья неволя*, все приеѣмлетъ вѣрующимъ въ чинѣ раба Божьяго, для искуса послушанія, какъ аскетическій подвигъ, ну, пожалуй, какъ вериги, надѣваемые Бога ради. Такъ попускается православнымъ жизнечувствованіемъ власть, богатство, право, наука и т. п., вся культура, весь узорчатый плотяной покровъ здѣшняго земного бытія. Грубо говоря, весь міръ—монастырь, и всѣ православные, каждый въ своемъ чинѣ—монашескую. „Вся тварь совокупно стенаетъ и мучится донинѣ; и не только *она*, но и мы сами, имѣя начатокъ Духа, и мы въ себѣ стенаемъ, ожидая усыновленія, искупленія тѣла нашего“. (Римлянамъ гл. VIII, 22—23). Крестъ Христовъ какъ бы вдавленъ въ мірское тѣло, и какъ скелетъ держитъ на себѣ стенающую плоть міра; аскетически отдаваясь міру, смиренно покорствуя волѣ Божьей, мы, рабы, ожидающіе усыновленія, мистически приобщаемся Кресту. Толстовскій крестъ, наоборотъ, обращенъ противъ міра, и аскетизмъ его самовольно сыновній, на міру—протестующій, осуждающе непослушный этому міру, дерзновенно вымогающій чудо человѣческое отъ людей. Толстой—рабъ Божій, какъ и всѣ мы, смертные, тѣнные, одинаково вѣрующіе, невѣрующіе, православные, инославные,—рабы, но рабъ своевольный, желающій служить хозяину по требованіямъ своего собственнаго разума, своей личной совѣсти. „Своя“ религія была у Толстого,—„своя“, крестъ и „свое“ евангеліе. По этому поводу вспоминается посѣщеніе Толстымъ Оптиной Пустыни въ то время (1890 г.), когда здѣсь жилъ въ тайномъ послушаніи Константинъ Леонтьевъ (излагаю по пересказу В. Г. Розанова, взятому изъ „Историческаго описанія“ Оптиной Пустыни): „Послѣ свиданія съ о. Амвросіемъ Л. Н. зашелъ къ К. Н. Леонтьеву какъ къ старому знакомому. „Какъ это ты, образованный человѣкъ, сдѣлался вѣрующимъ и рѣшилъ тутъ жить?“ спросилъ Толстой. Леонтьевъ отвѣчалъ: „поживи здѣсь, такъ самъ увѣруешь“... „Еще бы, запрутъ тебя здѣсь“, возразилъ Л. Н. „такъ поневолѣ повѣруешь“... „Я твою философію, братъ, не читаю, а только беллетристику“,—выразился Леонтьевъ,—„пиши, братъ, пиши; въ старости и отъ 80-лѣтнихъ авторовъ выходили знаменитыя творенія“. Во время чая разговоръ коснулся старца о. Амвросія: „Вотъ человѣкъ хорошій! Я былъ у него и завтра